

© 2012 г.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ УПРАВЛЯЮЩЕГО ДЕЛАМИ СОВНАРКОМА СССР Я.Е. ЧАДАЕВА

ПРЕДИСЛОВИЕ

Накануне и во время Великой Отечественной войны имя видного экономиста и государственного деятеля СССР Якова Ермолаевича Чадаева было хорошо известно многим советским людям. В военные годы большое число важных постановлений (в первую очередь о присвоении генеральских и адмиральских званий) периодически публиковалось в печати за двумя подписями: председателя Совнаркома СССР И.В. Сталина и управляющего делами Совнаркома СССР Я.Е. Чадаева.

В изданной в 1985 г. энциклопедии “Великая Отечественная война 1941–1945 гг.” ему было посвящено несколько строк. Сообщалось, что доктор экономических наук Я.Е. Чадаев родился в 1904 г. После окончания Всесоюзной плановой академии возглавлял в 1938–1939 гг. Госплан РСФСР, в 1939–1940 гг. был заместителем председателя Комиссии советского контроля СССР, а с 1940 г. и в течение всех военных лет являлся управляющим делами СНК СССР, одновременно выполняя обязанности заведующего Секретариатом Совнаркома. Как отмечается в той же энциклопедии, Чадаев активно участвовал “в разработке важнейших решений ЦК ВКП(б) и СНК СССР, связанных с перестройкой народного хозяйства СССР на военный лад, с восстановлением хозяйства в освобожденных районах”¹.

Именно на посту управляющего делами правительства раскрылся талант Чадаева как видного государственного деятеля. Благодаря уму, удивительной памяти, организованности, инициативе и четкости в работе он умело справлялся с огромной и ответственной нагрузкой. Во всяком случае за все время пребывания на такой важной должности, как свидетельствовал сам Чадаев, он не получил ни одного замечания от “хозяина Кремля”, хотя в столь тяжелый период ему приходилось трудиться в чрезвычайном напряженном ритме по 14–16 часов в сутки, контролируя подготовку многих документов и давая ход их нескончаемому потоку.

Меня познакомил с Чадаевым бывший заместитель наркома танковой промышленности СССР, Герой Социалистического Труда, генерал-полковник А.А. Горегляд. 24 апреля 1979 г. он выступил с воспоминаниями на заседании сектора истории СССР периода Великой Отечественной войны Института истории СССР АН СССР. Когда заседание окончилось, Алексей Адамович предложил мне захватить вместе с ним в гости к своему давнему другу Чадаеву. “Это недалеко, в доме по улице Серафимовича, где Театр эстрады, – сказал Горегляд. – Мы давно с ним не виделись: Яков Ермолаевич долго болел. Договорились о встрече как раз сегодня. Он очень интересный человек. А сколько знает разных историй! Ведь он был по существу во время войны одним из помощников Сталина”. Проведенные у Чадаева полтора часа, заполненные многочисленными воспоминаниями, промелькнули быстро. После этого было еще немало встреч и откровенных бесед.

¹ Великая Отечественная война 1941–1945. Энциклопедия. М., 1985, с. 778.

Наши отношения стали теплыми и дружественными. Удовлетворяя мой интерес, он много рассказывал о Сталине и его ближайших соратниках, о стиле их работы, давая им краткие, но меткие и образные характеристики.

К Сталину Чадаев относился с каким-то особым благоговением, постоянно отмечая в нем такие черты, как мудрость и гениальность, необычайный дар предвидения, простоту и скромность, огромную работоспособность, редкую память, строгость и требовательность при рассмотрении важных государственных дел. И все это наряду со справедливостью, заботой и вниманием к людям. Довольно часто Чадаев касался оценки характера Сталина, хотя о его недостатках предпочитал говорить вскользь или вообще умалчивал.

“А трудно было работать рядом со Сталиным? – спросил я однажды Якова Ермолаевича. – Как проходили у него заседания?” Чадаев ответил: «Работать рядом со Сталиным было, конечно, почетным и ответственным делом, мы трудились, не покладая рук. Приходили на работу к 10 час. утра, а возвращались домой в 3–4 час. ночи. Особенно стало нелегко, с началом Великой Отечественной войны, когда объем работы резко возрос. Мне приходилось по вызову то и дело заходить в приемную Сталина или в кабинеты девяти заместителей председателя Совнаркома за получением заданий. Исполнялись поручения и секретарей ЦК ВКП(б). Наибольшие трудности состояли в том, что у некоторых заместителей председателя Совнаркома СССР иногда были стремления переиграть один другого или “отфутболить” тот или иной вопрос. Но должен отметить, что у меня со всеми установились хорошие отношения. Я старался с привлечением сотрудников правительственного аппарата оперативно, быстро и четко выполнять задания. Иногда для этого требовалось 20–30 мин., и Сталин обычно интересовался, через какое время будет подготовлена требуемая справка или какой-либо другой документ. Обычно он соглашался с предлагаемым исполнителем реальным сроком. Более того, если срок выполнения задания в силу объективных причин требовалось несколько продлить, то необходимо было заблаговременно попросить у Сталина отсрочку. Он, как правило, с пониманием относился к подобным просьбам. Но не позавидуешь тому, кто не выполнил бы сталинское поручение в установленный срок. Сталин был весьма пронизательным. Он не переносил верхоглядства, неискренности и “виляния”. При обнаружении подобного выражение лица Сталина мгновенно изменялось. Наружу прорывались презрение и гнев....». – Что “касается заседаний, – заявил Чадаев (не забыв об одном из моих вопросов), то, например, накануне фашистской агрессии заседания бюро Совнаркома под председательством Сталина (который 6 мая 1941 г. возглавил Советское правительство) проводились регулярно в установленные дни и часы. Он ставил на обсуждение самые различные вопросы. Сталин обладал умением вести заседания экономно, уплотненно, был строг в режиме труда, лаконичен в словах. Помимо этого, он проявлял демократичность и в ведении заседаний. Сталин стремился приобщить к руководству делами правительства своих заместителей, поручая по очереди вести заседания бюро Совнаркома Н.А. Вознесенскому, А.Н. Косыгину, Г.М. Маленкову и Л.П. Берии. Во время заседаний Сталин мало сидел на председательствующем месте, и я всегда внимательно оглядывал движущуюся мимо меня фигуру в защитном френче, вглядывался в его манеру держать себя, прислушивался к его неторопливой негромкой речи, интонации голоса и хотел понять, в чем притягательность этого человека, почему так беспрекословно покоряются его воле и желаниям миллионы людей. Почему эти неторопливые слова так сильно впечатляют слушателей, вызывая у них прилив огромной энергии? Видимо, сила этого воздействия состояла в том, что Сталин был уверен в правдивости своих слов и ясности мысли, в безошибочности выдвигаемых им предложений и его уверенность охватывала массы”.

Коснулись мы однажды и вопроса о том, как относился Сталин к Академии наук СССР. Ответ бывшего управделами СНК был довольно лаконичным: многие факты свидетельствуют, что Сталин “проявлял большое внимание к работе и нуждам Академии наук. Он прислушивался к просьбам ученых. Помню, во время войны, когда президент Академии наук СССР академик В.Л. Комаров неоднократно обращался к Сталину с

насушными проблемами, особенно связанными с предоставлением помещений или жилья, последний всегда шел навстречу и решал эти вопросы”.

В начале 1980-х годов доктор экономических наук Чадаев приступил к подготовке второго издания своей монографии “Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны”. Приближалось 40-летие Победы советского народа над фашизмом, и он спешил приурочить выпуск своего труда к этой знаменательной дате. По его просьбе я просматривал тексты доработанных автором глав, рецензировал их, вносил ряд уточнений и предложений по совершенствованию рукописи. Чадаев с должным вниманием относился ко всем замечаниям, в том числе и поступавшим от других рецензентов, быстро реализуя высказанные рекомендации.

В начале лета 1984 г. рукопись была сдана в издательство “Мысль”, а в марте 1985 г. к большой радости Якова Ермолаевича книга вышла в свет. 8 апреля я получил от него один из первых экземпляров монографии “в знак глубокого уважения и большой благодарности”, как гласила авторская надпись на титульном листе. Слова признательности были и в предисловии к книге.

Одновременно Яков Ермолаевич напряженно трудился над мемуарами “Мои воспоминания”, по несколько раз переделывая и перепечатывая отдельные главы и разделы. Хронологически рукопись была им доведена до победы под Сталинградом. Основу воспоминаний составили почти ежедневные протокольные и стенографические записи различных заседаний, проходивших у Сталина во время войны. Важной частью мемуаров являлись также заметки, которые Чадаев делал у себя в кабинете или дома, воспроизводя по своей удивительной памяти почти все увиденное и услышанное им в течение рабочего дня. “Таких записей и других материалов у меня накопилось на восемь чемоданов”, – не раз говорил Чадаев. (Правда, по его же более позднему свидетельству, он ликвидировал все эти записи и заметки военного времени, “занимавшие слишком много места в квартире”).

Где-то в 1983 г. Яков Ермолаевич решил подготовить краткий вариант своих воспоминаний. Он попросил меня ознакомиться с полным текстом мемуаров и отметить наиболее важные и интересные места. Когда эта просьба была выполнена, Чадаев подарил мне последний вариант “Моих воспоминаний”, объем которых не уступал десятку докторских диссертаций. Краткий же вариант занимал около 38 а.л. После перепечатки Чадаев направил его в Комитет по печати, оттуда он попал в Политиздат. Этими воспоминаниями там зачитывались, их хвалили, но увы, результат оказался нулевым. По “высоким соображениям”, начальство из ЦК “не сочло возможным дать добро”. Так объяснил Чадаеву отказ в публикации мемуаров один из руководителей Политиздата. Автор воспоминаний был, конечно, очень огорчен, но, будучи оптимистом по натуре, не оставлял надежду, что многое может измениться и когда-нибудь, еще при его жизни в полном или сокращенном виде они непременно увидят свет.

По инициативе и при содействии Чадаева мы с ним несколько раз, начиная с 15 октября 1983 г., побывали в гостях у В.М. Молотова на госдаче в Жуковке-2. При этом перед каждым визитом Яков Ермолаевич постоянно напоминал, чтобы беседа с Молотовым была “обязательно для истории записана”. Досадная “осечка” произошла только один раз, когда подвели батарейки питания диктофона.

В творческом плане Чадаев был неутомим. Несмотря на неудачу с изданием мемуаров, он намеревался в течение двух-трех лет написать новую большую книгу о руководителях Советского государства времен Великой Отечественной войны. “Вот только бы позволило здоровье, а оно меня все больше тревожит”, – сокрушался он. К сожалению, эти тревоги оказались не напрасными. Осенью 1985 г. Яков Ермолаевич попал в больницу, где 30 декабря скончался.

Ниже публикуются фрагменты из неопубликованных мемуаров Я.Е. Чадаева, связанных с поездкой В.М. Молотова в Берлин в ноябре 1940 г., а также с рассмотрением других важных проблем внешней политики СССР в этот напряженный период. Замести-

телем главы делегации был нарком черной металлургии СССР И.Ф. Тевосян. В составе делегации находилось несколько заместителей наркомов, советников и переводчиков².

Сам Я.Е. Чадаев, хотя и не был командирован в Берлин, но, судя по его записям, проявил к этому событию большое внимание. Он подробно расспрашивал Тевосяна и других участников поездки о всех деталях визита и сложностях переговоров с Гитлером и Риббентропом.

Надеюсь, что читателям будет небезынтересно узнать, как оценивало советское руководство состояние советско-германских отношений более чем через год после заключения пакта о ненападении и его значение для (хотя и временного) сохранения мира.

Академик Г.А. Куманев

* * *

Утром 9 ноября 1940 г. мне позвонил Н.А. Булганин и пригласил прибыть вечером на вокзал для проводов В.М. Молотова, отбывавшего из Москвы. Куда отъезжал Молотов я узнал только на вокзале. Он ехал во главе советской делегации в Берлин. Около Белорусского вокзала стояла масса посольских машин с флажками. На проводы было много приглашено ответственных работников. За час до отъезда на перроне Белорусского вокзала собралось много провожающих. Всем бросились в глаза военные, одетые в серые шинели немецкого образца с блестящими золотыми погонами.

В назначенное время от перрона Белорусского вокзала отошел необычный литерный поезд. Он состоял из нескольких вагонов западноевропейского образца. Его пассажирами были члены и сотрудники германского посольства и члены советской правительственной делегации, направляющиеся в Берлин для переговоров.

Но не успел поезд пройти и десятка метров, как вдруг с резким толчком остановился. Что такое? Через несколько минут опять поехали. И вторично, не дойдя до конца платформы, поезд вновь остановился, с еще более резким толчком. Забегали, засуетились железнодорожники, произошла какая-то заминка.

Что случилось?

Оказывается этим же поездом ехал немецкий посол – граф Шуленбург. Этот Шуленбург дважды останавливал состав стоп-краном только потому, что к моменту отхода поезда из посольства ему не доставили... парадный мундир, в котором он собирался выйти из вагона в Берлине.

В конце концов поезд ушел, не дождавшись мундира.

Позже мы узнали, что посольскую машину с чемоданами фон-Шуленбурга не пропустили на привокзальную площадь, так как она не имела специального пропуска. Когда стал известен инцидент с мундиром Шуленбурга, вдогонку за поездом были посланы две легковые автомашины. Они должны были догнать состав и на одной из промежуточных станций погрузить багаж графа.

Все это происходило в ноябре 1940 г. в гололедицу, машины мчались по Можайскому шоссе с бешеной скоростью, одна с багажом, другая – резервная. Где-то по дороге, не то в Голицине, не то в Кубинке, первая машина потерпела аварию. Чемоданы перегрузили на вторую, и где-то дальше в пути, кажется, в Вязьме, посольские чемоданы благополучно доставили вконец изнервничавшемуся графу.

Советская делегация ехала в Берлин, чтобы заявить Гитлеру о его непонятном и недопустимом поведении в Румынии, Болгарии, Финляндии. Назревал дипломатический конфликт и охлаждение в советско-германских отношениях. Заключенный договор уже не выдерживал испытания временем. Однако тонкости этого дела знали еще немногие.

² О визите В.М. Молотова в Берлин см., например: *Бережков В.М.* Страницы дипломатической истории. М., 1984, с. 9–34; Поездка В.М. Молотова в Берлин в ноябре 1940 г. Предисловие академика Г.Н. Севостьянова. – Новая и новейшая история, 1993, № 5; Директивы И.В. Сталина В.М. Молотову перед поездкой в Берлин в ноябре 1940 г. Предисловие Л.А. Безыменского. – Новая и новейшая история, 1995, № 4; *Безыменский Л.А.* Визит В.М. Молотова в Берлин в ноябре 1940 г. в свете новых документов. – Новая и новейшая история, 1995, № 6.

Только для В.М. Молотова и работников НКВД были под большим секретом подобраны материалы, говорящие о нарушениях договора, и тезисы предлагаемых переговоров.

Гитлер уже начал свои разглагольствования о мировом господстве, о неизбежном поражении Англии.

И.В. Сталин в ту пору стал более открыто высказывать недовольство поведением Гитлера: мол немцы просят больше поставок, а сами нарушают свои обязательства да к тому же еще ведут подозрительную возню на границах.

Всех тревожил вопрос: что же дальше? Как долго еще будет соблюдать Гитлер свои обязательства по советско-германскому пакту о ненападении? Не повернет ли он на восток? К осени 1940 г. Берлин предпринял ряд акций, осложнивших советско-германские отношения. Германские войска высадились в Финляндии, в Румынию прибыла германская военная миссия. Берлин оказывал нажим на Болгарию.

В Германию мы поставляли зерно, нефть, марганец. Наши представители закупали у Германии нужные нам механизмы, оборудование и приборы. Сроки поставки немецкого оборудования Советскому Союзу систематически нарушались. В последние месяцы германская сторона, задерживая поставку Советскому Союзу важного оборудования, в то же время настойчиво требовала увеличения советских поставок нефти, зерна, марганца и других товаров. Можно было ожидать, что все эти вопросы будут обсуждаться в Берлине. Но состав советской делегации, в которую входили дипломатические и военные эксперты давал основание полагать, что прежде всего предстоят политические переговоры.

В условиях нарастания опасности империалистической агрессии против СССР Советское правительство и прежде всего Сталин стремилась к сохранению мирных отношений с Германией, чтобы продлить мирную передышку. Делу поддержания таких отношений служили советско-германские торговые связи, которые развивались на взаимовыгодной основе. Известно, что между СССР и Германией 11 февраля 1940 г., а позднее и 10 января 1941 г. были заключены два торговых соглашения, которые предусматривали значительное расширение объема советско-германской торговли. Мы получали из Германии промышленное оборудование, машины, станки и некоторые виды военной техники, необходимые для укрепления оборонной мощи страны, т.е. именно то, в чем Советскому Союзу отказывали Англия и США. В обмен же “третьему рейху” поставлялись продукты питания, в том числе зерновые, а также лес и некоторые виды промышленного сырья.

Цели сохранения мирных отношений с Германией служили также: заключенная 10 июня 1940 г. советско-германская конвенция о порядке урегулирования пограничных конфликтов и инцидентов; советско-германский договор о пограничных правовых отношениях от 31 августа 1940 г.; а в дальнейшем договор о советско-германской границе от реки Игорка до Балтийского моря от 10 января 1941 г. и советско-германское соглашение об урегулировании взаимных имущественных претензий в Прибалтике. Дабы свести до минимума пограничные инциденты, Советское правительство в начале 1941 г. предложило провести демаркацию советско-германской границы.

Вместе с тем правительство СССР прилагало большие усилия, чтобы не допустить распространения гитлеровской агрессии в Европе.

Международная обстановка в то время продолжала оставаться весьма сложной. Заключенный в августе 1939 г. советско-германский договор в результате предпринимавшихся попыток со стороны Англии и Франции изолировать Советский Союз, направить агрессию “третьего рейха” против нашей страны давал возможность Советскому Союзу на какое-то время отвести от государства опасность войны, выиграть время для подготовки к отпору фашистской агрессии.

Между тем война в Западной Европе стала фактом. С молниеносной быстротой следовали одна за другой победы гитлеровского “блицкрига”: оккупация Польши, Дании, Норвегии, Голландии, Бельгии и, наконец, Франции. На берегу Ла-Манша нацистские полчища остановились. План “Морской лев”, предусматривавший вторжение на Бри-

танские острова, стал покрываться пылью на полках германского генштаба. Военные действия довольно вяло происходили лишь в Северной Африке.

Необходимо было “прощупать”, каковы же были дальнейшие подлинные намерения Гитлера. Это и было одной из целей советской делегации, отправлявшейся в Берлин по приглашению германского правительства.

* * *

В это время вышло решение Совнаркома СССР о моем назначении на пост управляющего делами Совнаркома СССР. Поскольку В.М. Молотов находился в Берлине меня вызвал к себе А.И. Микоян, замещавший Молотова, и сообщил о состоявшемся решении по поводу моего нового назначения. В приемной Микояна меня встретил бесшумный, вышколенный заведующий секретариатом Барабанов и, не заставив ни минуты ждать, распахнул дверь в кабинет.

Микоян шагнул мне навстречу, приветливо поздоровался и жестом гостеприимного хозяина пригласил в кресло, стоявшее рядом с письменным столом. Он не сразу начал со мной разговор, а продолжал прерванное моим вторжением чтение какой-то бумаги.

Я внимательно смотрел на него и следил за каждым движением. Это был худощавый человек, средних лет, чуть за сорок. Внимательные глаза медленно скользили по листу бумаги. В моей голове назойливо вертелась мысль, что вот сейчас он закончит чтение бумаги и сразу даст мне поручение, что с ней сделать. Но Микоян, прочтя один лист, принялся за другой. Я продолжал внимательно наблюдать за ним. Его длинные черные волосы, высокий лоб, занимающий более половины лица, прямой чуть с горбинкой нос, умные черные глаза придавали ему вид солидного человека. Им трудно было не залюбоваться. Он красив, строен, держится спокойно, уверенно. От всего его облика веяло жизнерадостностью, верой в свои силы, в свое признание.

Закончив чтение второго листа, Микоян нагнулся, поставил свою подпись и вызвал Барабанова.

– Передайте сейчас же. И вручил Барабанову бумагу.

Потом сразу же обратился ко мне.

– Вот решение о Вашем назначении. Читали? – спросил он отрывисто с восточным акцентом.

– Да, читал.

– Ну что ж! – И он стал рассказывать мне об особенностях работы управляющего делами, о роли работников правительственного аппарата.

– Работника правительственного аппарата отличает высокая принципиальность и беззаветное служение нашему народу. Главное, сказал он, роль Ваша должна сводиться не к тому, чтобы красиво написать бумагу, а быстро и по существу хорошо подготовить документ.

Я внимательно слушал, не задавая вопросов.

– Надо, – продолжал Микоян, – чтобы аппарат был опытный, устойчивый. С теми, кто давно работает, мы испытываем большое облегчение. Такие люди с полуслова понимают, что надо делать, более аккуратно и добросовестно выполняют свои обязанности, действуют быстро и четко.

Слушая Микояна я искренне желал, чтобы он говорил подробно. Мне хотелось сразу узнать все, что требовалось от меня.

– От работника аппарата, – говорил далее Микоян, – прохаживаясь по кабинету, нужна и скромность, а то некоторые любят показать, что они работают и бывают в верхах, обо всем осведомлены, потом болтают направо и налево... С людьми надо постоянно работать. Ведь руководитель – это не повелитель. Не забывайте заботиться о людях. Поступайте с ними так, как Вы хотите, чтобы они поступали с Вами. Никогда не будьте двуличными и сами избегайте двуличных людей. Из-за пустяков не раздражайтесь... Ну как? Согласны со мной?

– Да, конечно, – ответил я с подъемом.

– Всех подробностей не скажешь. Надеюсь, дело быстро освоите.

- Постараюсь, конечно.
- Прекрасно! Лучше день подумать, чем целую неделю впустую трудиться. Ознакомьтесь с делами.
- Вся ясно, Анастас Иванович.
- Ну что ж, действуйте, поможем, если что не ясно. И он подал мне руку на прощание.

Я вышел из кабинета ободренный хорошими словами Микояна. Теперь меня уже совсем покинуло раскаяние в принятом решении, думал уже о том, как лучше заняться новым делом. “Дайте мне небольшой срок, и я освоюсь с делом”, – говорил я себе.

Сразу же от Микояна я направился в кабинет бывшего управляющего делами Хломова. Но его на работе не оказалось. Как стало известно, по болезни в этот день Хломов не вышел на работу. Мы встретились через день и бывший управделами передал мне неисполненные бумаги. Однако со мной он не поделился какими-либо знаниями. А ведь кто не дает никаких советов, – подобен свету в бочке.

С первого же дня на меня нахлынуло огромное количество бумаг и вопросов, требующих подготовки и решения. Я пришел в ужас. Думал, что утону безнадежно в этих бумагах и завалю все дело.

Я уезжал домой под утро, когда уже все зримее обрисовывалась дорога и здания из уходящего ночного мрака. Но всех бумаг “переварить” не мог. Я был в ярости. Не хватало умения организовать работу. Стремился сделать все сам, а помощников привлекал слабо.

Но скоро перестроился и стал “осиливать” все бумаги. Настроение сделалось лучше. Но приходилось еще задерживаться на работе довольно долго – каждый день с утра и до поздней ночи.

За несколько дней работы я успел ближе познакомиться с работниками Управления делами и убедился, что это люди сурово-деловитые, норовистые и добросовестные работники. Я много советовался с ними по работе.

* * *

Под вечер 15 ноября 1940 г. Булганин пригласил меня поехать на Белорусский вокзал для встречи из Берлина В.М. Молотова.

Поезд пришел в 12 часов ночи. На перроне собрались все наркомы и почти весь дипломатический корпус. Среди встречающих были А.И. Микоян, Н.А. Булганин, Л.М. Каганович.

Пока ждали прибытия поезда, люди переговаривались между собой.

- Интересно, с чем он приехал?
- Ну, уж если Молотов захочет чего-нибудь добиться, – отвечал другой, – добьется.

Был выставлен почетный военный караул.

Скоро поезд показался вдали и медленно приближался к станции. Молотов вышел из вагона в сопровождении наркома черной металлургии И.Ф. Тевосяна.

Выйдя из вагона, Молотов снял шляпу, поздоровался с Микояном, Булганиным, Кагановичем, затем подошел к жене и дочери, трогательно поцеловал дочь Светлану и жену Полину Семеновну, а потом поздоровался с наркомками, дипломатами и направился к выходу.

Начальник караула отдал рапорт. Молотов поприветствовал бойцов и сел в машину с семьей.

На следующий день 16 ноября около часу ночи Вячеслав Михайлович позвонил мне и пригласил в свой кабинет. Войдя к нему, я очень волновался.

– Вас поздравить надо с назначением, – поздоровавшись за руку, сказал Молотов.

Я собрался с духом и усилиями воли сохранил на своем лице спокойное выражение.

- В этих случаях говорят – спасибо, – сказал я.
- Ну что ж! На здоровье, – шутливо ответил Молотов.

Бывают слова, которые говорят в таких выражениях, что от них освещается душа, но те же слова можно сказать и в других выражениях, так что душа от них помутится.

– Да, я здоров, – осмелев немного ответил я.

– Здоров и молод! – У Вас два великих преимущества. А я вот уже старик. В прошлом году пятьдесят стукнуло.

– Какой же Вы старик.

– А кто же я?

– Мужчина средних лет.

Молотов рассмеялся.

Мне хотелось, чтобы мои слова были лучшими. Поскольку, как мне казалось, я был на хорошем счету у Молотова, и я стремился не разрушать хорошего мнения о себе.

– А вот раньше, – продолжал Молотов, – считали пятидесятилетнего человека стариком.

– Но Вас никак нельзя отнести к числу стариков.

Молотов посмотрел на меня чуть прищуренным глазом.

– А Вы знаете, кому что надо говорить.

Я сразу понял, на что он намекает.

– Что Вы, я далек от лести...

Мне было досадно, что так нехорошо воспринял мои похвалы Молотов. Я решил, что мне надо быть молчаливым и дальновидным. Но я в действительности был далек от мысли польстить ему.

В это время позвонила вертушка и Молотов долго слушал. Видимо, ему о чем-то докладывали из Наркоминдела. Я продолжал наблюдать за Молотовым. Он действительно выглядел крепким мужчиной, можно сказать атлетом. Говорили, что во время купанья в море его многие не могли догнать по скорости.

Молотов уже десятый год стоял на посту руководителя Советского правительства, твердо проводя волю партии и ее Центрального Комитета в деле государственного строительства СССР.

В своей повседневной работе на посту председателя СНК СССР Молотов решал крупнейшие вопросы народного хозяйства и культуры нашей страны, вопросы внутренней и внешней политики Советского государства.

Наряду с этим он не оставлял без внимания массу других более мелких, текущих дел. Еще на работе в Комиссии Советского Контроля мне было известно, что ежедневно на имя председателя Совнаркома со всех концов нашей необъятной родины приходит большое количество писем. Главе правительства пишут о своих радостях и горестях, о личных и общественных делах. Поток писем ослабевал, потому что каждый был уверен в быстром исчерпывающем ответе, в быстром принятии решительных мер...

При своей огромной занятости Молотов никогда не оставлял ни одного письма без ответа, всегда помнил о своих поручениях, справлялся об их выполнении.

Это чувство уважения и внимания к живому человеку, к письмам трудящихся Молотов всегда прививал нам, молодым работникам.

Положив на рычаг трубку, Молотов сразу же перешел к делу. Он говорил о том, как важно четко организовать работу аппарата, определить правильно функции всех подразделений и работников Управления делами.

– Надо все сделать, чтобы серьезно поднять уровень работы аппарата, – сказал Молотов. – Постоянное совершенствование работы – это всеобщий закон... Надо укрепить руководство партийной организации.

– Вышибите, – сгоряча запальчиво проговорил Молотов, – засидевшегося там секретаря Панкратова. Человек растет в действии, а этот заплесневел. Имейте в виду, Вы лично головой отвечаете не только за работу аппарата, но и за работу партийной организации. Разумеется, подумал немного Молотов, – ничего не делайте сгоряча, а берите умом и терпением.

Долго еще он говорил мне о предстоящей работе, о внимании к письмам, ходатайствам, о необходимости быстрой, оперативной подготовки вопросов, о недопущении

волокиты, бюрократизма и прочее. К каждому документу надо относиться одинаково внимательно.

В заключение Молотов спросил:

– Ведь для Вас все это понятно?

– Конечно, понятно, но многое придется осваивать.

– Не сомневаюсь, что Вы быстро освоитесь с делами. – Человек уверенный в себе легко преодолевает любую трудность. Главное, – подчеркнул Молотов, – честное, добросовестное отношение к делу, а все остальное приложится. Ложью свет пройдешь, да назад не вернешься.

– Понимаю. Работать и жить – значит честно Родине служить.

– Вот и хорошо! Молотов пожал мне руку и на прощанье сказал:

– Когда у Вас будут срочные вопросы или возникнет что-либо неотложное, – заходите или звоните.

– Очень хорошо, – сказал я, и покинул кабинет.

Во второй половине 16 ноября я зашел к Р.С. Землячке (зампредсовнаркома СССР в 1939 – 1943. – Г.К.) в кабинет, который она занимала на первом этаже здания Совнаркома. Она всегда была рада моему приходу, чтобы узнать новости или поделиться ими со мной. Она только что вернулась вместе с И.Ф. Тевосяном от В.М. Молотова, который созывал своих замов, чтобы рассказать о визите в Берлин. Более подробно поведал ей о состоявшейся поездке Тевосян.

– Наша поездка, – по словам Тевосяна, – была ответным визитом на две поездки в Москву Риббентропа и по существу ничего нового в наши отношения с Германией не внесла. Молотов вел беседы исключительно по вопросам советско-германских отношений, а Гитлер старался превратить их в базу для широкого соглашения между германской и советской сторонами. Но тигр и олень никогда не ходят рядом. Молотов отверг новые предложения Гитлера.

Я внимательно слушал.

– Молотов, – продолжала Землячка, – использовал переговоры все-таки для прощупывания позиции немецкой стороны.

– Наверное, ничего не удалось узнать? – спросил я, и набрался терпенья выслушать.

– Кое-что удалось прозондировать, – ответил Тевосян.

Много интересного я услышал здесь от Тевосяна.

Затем он рассказал в общих чертах о сути переговоров и добавил:

– По моей оценке ни та и ни другая сторона ничего не достигла.

В дни пребывания советской делегации в Германии английская и французская пресса, как и год назад, вопила истошным голосом, обвиняя нас в сговоре с Гитлером. Они все еще с упорством маньяков мечтали о том, чтобы немцы ввязались в драку с русскими, а они тем временем выжидали бы, пока Россия будет разбита, а Германия обескровлена. Но в сложившейся обстановке начала Второй мировой войны Советское правительство предпочитало переговоры. Каждый день мирной передышки работал на нас.

В тот вечер 16 ноября 1940 г. по итогам поездки Молотова в Берлин И.В. Сталин провел специальное заседание, на котором было заслушано сообщение В.М. Молотова.

Мне, как только что вступившему в должность управляющего делами Совнаркома, довелось участвовать на этом заседании.

В те дни Советское правительство жило тревогами за результаты берлинских переговоров. Становилось ясным, что фашистские руководители совсем не собираются придерживаться букве заключенного соглашения. Они совершили ряд действий, который никак нельзя было считать добрососедскими. На границах Советского Союза гитлеровцы стали сосредоточивать свои войска. В Румынии, на юге Финляндии появились немецкие части, усилилось дипломатическое давление со стороны Германии на Болгарию, стали систематически нарушаться Германией сроки поставок оборудования в СССР.

Эти симптомы, явно свидетельствовавшие об ухудшении советско-германских отношений, сильно тревожили Сталина и его ближайших соратников. У всех возникал

вопрос чем вызван такой поворот в действиях Германии, не проявляется ли здесь рука Англии? Ведь всем было известно, что Черчилль никогда не примирится с историческим фактом существования Советского Союза, одно только существование которого революционизирует народы, вдохновляет их на борьбу против империализма.

Известно было также и вероломство и неискренность Черчилля, его умение завязывать самые сложные интриги.

В этих условиях крайне нужна была встреча сторон на самом высоком уровне. Нужно было детально выяснить дальнейшие намерения гитлеровской Германии, сделать все для того, чтобы как можно на больший срок оттянуть военное столкновение с ней.

Руководителей партии и правительства и лично Сталина не оставляли мысли о том, придется ли Советскому Союзу воевать с фашистской Германией, чего СССР решительно не хотел делать, во-первых, как миролюбивая страна, которая в своей политике, осуществляя принципы мирного сосуществования, стремится решать всесторонне международные вопросы только на базе мирных переговоров и во-вторых, СССР был не полностью подготовлен для отпора агрессору. Сталин вел очень искусно политику выжидания, проявляя большую осторожность в проведении оборонительных мероприятий, чтобы не дать Гитлеру повода обвинить СССР в подготовке к вооруженному столкновению с Германией. Но в то же время нельзя было и сидеть, сложа руки, пребывать в бездействии, не готовить страну к вооруженной борьбе с агрессором.

Советский народ был уверен в силе и могуществе страны Советов. Эта мысль советскому народу усиленно прививалась в течение ряда лет и вот теперь эти слова должны были получить подтверждение на практике. Нельзя было допустить, чтобы фашистские войска захватили нас врасплох и мы не могли бы дать быстрый отпор врагу.

Между тем в Берлине все шло в направлении усиленной подготовки к нападению на Советский Союз.

В.М. Молотов подробно доложил о результатах встречи с Гитлером в Берлине. Ему было задано несколько вопросов.

Затем после некоторого раздумья начал говорить И.В. Сталин.

Поездка в Берлин советской делегации состоялась по инициативе Германии. Как нам известно, Гитлер сразу же после отбытия из Берлина нашей делегации громогласно заявил, что “германо-русские отношения окончательно установлены!” Но мы хорошо знаем цену этим утверждениям! Для нас еще до встречи с Гитлером было ясно, что он не пожелает считаться с законными интересами Советского Союза, продиктованными требованиями безопасности нашей страны. Мы рассматривали берлинскую встречу как реальную возможность прощупать позицию германского правительства. Позиция Гитлера во время этих переговоров, в частности, его упорное нежелание считаться с естественными интересами безопасности Советского Союза, его категорический отказ прекратить фактическую оккупацию Финляндии и Румынии, свидетельствует о том, что, несмотря на демагогические заявления по поводу неущемления “глобальных интересов” Советского Союза, которые Гитлер и его сподручные расточают, на деле ведется подготовка к нападению на Советскую страну. Для этого Германия практически уже занялась созданием восточно-европейского плацдарма для нападения на Советский Союз. Не может быть сомнений, что Гитлер добивался берлинской встречи, стремясь использовать переговоры с советскими представителями для того, чтобы замаскировать свои истинные намерения и тем самым поставить Советское правительство в неблагоприятные условия, которые в дальнейшем связали бы нам руки, предоставив в то же время свободу действий Германии, в том числе для активизации действий в области соглашения с Англией. Пытаясь навязать советской делегации на берлинской встрече дискуссию о “переустройстве” мира и разделе “британского имущества”, Гитлер рассчитывает в конечном итоге изолировать Советский Союз на мировой арене и тем нанести ему сокрушительный удар.

Молотов в знак согласия утвердительно покачал головой. Сталин продолжал убежденно делать выводы из поездки советской делегации в Берлин.

– Ясно одно, что Гитлер ведет двойную игру. Готовясь напасть на Советский Союз, он вместе с тем старается выиграть время, пытаясь создать у Советского правительства впечатление, будто готов обсудить вопрос о дальнейшем мирном развитии советско-германских отношений.

Далее Сталин говорил о лицемерном, неискреннем поведении Германии в отношении Советского Союза, о том, что Англия и Франция всячески натравливают Германию на СССР.

– Летом 1939 г., – сказал Сталин, – нам удалось предотвратить нападение фашистской Германии на нашу страну. В этом деле большую роль сыграл заключенный с Германией пакт о ненападении. Его заключение способствовало потеплению международного климата и внесло определенный вклад в дело смягчения международной напряженности. Наметившийся положительный симптом в улучшении отношений между двумя большими соседями было положительно воспринято всей мировой общественностью. В этом деле благородная роль отводится Советскому Союзу, так как именно он разбил агрессивные намерения Гитлера в отношении СССР, отодвинул угрозу немедленной войны с фашистской Германией. Но это, конечно, только временная передышка, угроза вооруженного нападения фашистской Германии несколько ослаблена, но полностью не устранена. В Германии действуют мощные силы агрессии, руководящие круги Германии и не думают снимать с повестки дня вопрос о вооруженном нападении на СССР, а наоборот, развертывают в этом направлении свои действия, гитлеровцы как бы этим хотят подчеркнуть, что вопрос войны с СССР предрешен и в скором времени начнутся активные боевые действия. Несомненно, по мнению Гитлера, этим же целям должна была послужить и встреча в Берлине, к которой гитлеровское правительство проявляло большой интерес начиная с лета 1940 года.

Помедлив чуть Сталин продолжал:

– Какой был смысл разглаговольствований Гитлера насчет планов дальнейшего сотрудничества с Советским Союзом? Действительно ли германское правительство исходит из предпосылки, что между Германией и Советским Союзом на протяжении длительного периода не возникает конфликта? Могло ли быть, что Гитлер решил на какое-то время отказаться от планов агрессии против СССР, провозглашенных в его “Майн кампф”? Разумеется, нет, – твердо произнес Сталин.

Действительно, Сталин был прав. Гитлер, как стало известно потом, рассматривал совещание в Берлине лишь как очередной отвлекающий маневр. Об этом говорит, в частности, секретное распоряжение № 18, которое он издал 12 ноября 1940 года; то есть в день прибытия в Берлин советской правительственной делегации (которое стало известно после войны). В этом распоряжении говорилось: “Политические переговоры с целью выяснить позицию России на ближайшее время начались. Независимо от того, какой будет исход этих переговоров, следует продолжать все уже предусмотренные ранее приготовления для Востока.

Дальнейшие указания на этот счет последуют, как только мною будут утверждены основные положения операционного плана...” Прикрываясь елейными речами о мире и ратуя о нем на словах, Гитлер иногда проговаривался, открывал перед слушателями истинные намерения, из слов Гитлера не трудно было видеть, что все словословия Гитлера о мире есть простая пропагандистская чепуха, что он не стремится к миру, а если он о нем и говорит, то только для того, чтобы под этими словами скрыть свои истинные намерения.

С откровениями Гитлер выступил перед главными редакторами нацистских газет. Вот что он сказал: “Обстоятельства вынудили меня в течение целого десятилетия говорить почти исключительно о мире. Только неуклонное подчеркивание миролюбия и мирных намерений Германии позволило мне дать германскому народу... вооружение, которое всякий раз оказывалось необходимой предпосылкой для следующего шага”.

Далее, Сталин кратко охарактеризовал Гитлера.

– История еще не знала таких фигур, как Гитлер, – сказал Сталин. В действиях Гитлера не было единой, цельнонаправленной линии. Его политика постоянно перестраи-

валась, часто была диаметрально противоположной, лишь бы с ее помощью можно было достигнуть поставленной цели. Полная путаница царила также в теоретических положениях фашизма. Гитлеровцы называют себя националистами, но они фактически являются партией империалистов, притом наиболее хищнических и разбойничьих империалистов среди всех империалистов мира. Они не считаются и не придерживаются никаких принципов понятий. Они легко могут отказаться от того, что вчера принимали за правило, за устои. Они заявляют, что гитлеровцы – социалисты, но фактически они являются ярыми реакционерами и всемерно поддерживают империалистов. “Социализм”, “национализм” это только фиговые листки, которыми прикрываются гитлеровцы, чтобы обмануть народ, одурачить простаков и прикрыть ими свою разбойничью империалистическую сущность. В качестве идеологического оружия они используют расовую теорию. Это человеконенавистническая теория порабощения и угнетения народов. Они вбивают эту теорию немцам для того, чтобы сделать их послушным орудием в своих руках для того, чтобы они помогали фашистской верхушке безраздельно господствовать над миром.

Как известно, Гитлер говорил: “Я никогда не признаю за другими народами равенства с германским народом. Наша миссия заключается в том, чтобы подчинить другие народы. Германский народ призван дать миру новый класс господ”. Эти слова Гитлер пояснял так: “Перед нами встает задача уменьшить чуждое население, а также методически содействовать росту численности германского населения. Кто может оспаривать мое право уничтожать миллионы людей низшей расы, которые размножаются, как насекомые... Нужно уничтожить 20 миллионов человек”. Но свои “опыты” уничтожения он начал именно с германского народа.

Все присутствовавшие слушали Сталина с напряженным вниманием.

– Гитлеровцы не связывали себя никакими нравственными нормами, правилами, – сказал далее Сталин. Все средства хороши для достижения поставленной цели. Главным принципом их политики является вероломство. Гитлер постоянно твердит о своем миролюбии. Он был связан договорами с Австрией, Польшей, Чехословакией, Бельгией и Голландией. И ни одному из них он не придал значения и не собирался соблюдать и при первой необходимости вероломно их нарушил. Таковую же участь готовит Гитлер и договору с нами. Но, заключив договор о ненападении с Германией, мы уже выиграли больше года для подготовки к решительной и смертельной борьбе с гитлеризмом. Разумеется, мы не можем договор рассматривать основой создания надежной безопасности для нас. Гарантией создания прочного мира является укрепление наших вооруженных сил. И в то же время мы будем продолжать свою миссию поборников мира и дружбы между народами...

Сталин помолчал немного, очевидно подыскивая слова для выражения следующей мысли.

– Гитлер сейчас упивается своими успехами. Его войска молниеносным ударом разгромили и принудили к капитуляции шесть европейских стран, из которых Франция и Бельгия являются высоко развитыми промышленными странами. Этот факт можно рассматривать только как огромный стратегический успех фашистской Германии. Ведь в Европе не нашлось силы, которая могла сорвать агрессию гитлеровской Германии. Гитлер и теперь не видит силы, которая была бы в состоянии вступить с фашизмом в единоборство. Рабочий класс западных стран сильно ослаблен раскольническими действиями правых социал-демократических лидеров. А коммунистические и рабочие партии в большинстве стран Европы еще не стали массовыми партиями. Теперь Гитлер поставил перед собой цель расправиться с Англией, принудить ее к капитуляции. А чтобы достичь этой цели гитлеровцы обрушили репрессии на Великобританию. Усилилась бомбардировка Британских островов, демонстративно готовится десантная операция. Но это не главное для Гитлера, а главное – нападение на Советский Союз.

Тихо, но твердо Сталин произнес:

– Мы все время должны помнить об этом и усиленно готовиться к отражению фашистской агрессии. Наряду с дальнейшим укреплением экономического и воен-

ного могущества страны наша партия должна широко разъяснять трудящимся нависшую опасность международной обстановки, всемерно разоблачать фашистских агрессоров, усилить подготовку советского народа к защите социалистического отечества. Вопросы безопасности государства встают сейчас еще более остро. Теперь, когда наши границы отодвинуты на запад, нужен могучий заслон вдоль их с приведенными в боевую готовность оперативными группировками войск в ближнем, но... не в ближайшем тылу.

Сталин говорил свободно, убедительно. Он порой казался самоуверенным, и это происходило от сознания своей значительной личности.

– Мы должны повести дело так, – произнес далее Сталин, – чтобы быстрее заключить пакт о нейтралитете между Советским Союзом и Японией. Германия нашла общий язык с Японией в своих великодержавных стремлениях. Япония признала право Германии вмешиваться в дела всех стран. Надо ее нейтрализовать. Вместе с тем надо усилить экономическую военную помощь китайскому народу. Наша задача состоит в том, чтобы оказать ему серьезную поддержку в его борьбе с японским агрессором... Гитлер и его приближенные лихорадочно работали над созданием в Европе и Азии мощного фашистского блока, направленного прежде всего против СССР. 27 сентября 1940 г. в Берлине подписано соглашение о германо-итало-японском военно-экономическом союзе, срок действия которого определялся в десять лет. Гитлеровцы надеются, что Япония займет активную позицию, развернет агрессию на Востоке, в результате которой будут ослаблены страны, которые также являлись и врагами Германии. Стало быть нам необходимо вести дело на ослабление гитлеровской коалиции, привлечь на нашу сторону страны-сателлиты, попавшие под влияние гитлеровской Германии.

Сделав небольшую паузу, Сталин продолжал говорить дальше.

– Следует проявить внимание к антифашистам, пробравшимся к нам из фашистских стран. Антифашистов у нас уже сотни, но их будет больше. Среди них большинство коммунисты. Они могут сослужить большую пользу в дальнейшем в борьбе с гитлеровской Германией. На мировой арене идет усиленная дифференциация сил. Вместе с ростом сил войны возрастают силы противодействия ей, развивается борьба за мир, против поджигателей войны, происходит усиленный процесс сплочения антифашистских сил, как в самой Германии, так и в оккупированных ею странах...

Затем Сталин четко изложил задачи по дальнейшему укреплению обороноспособности страны.

– Мы должны всегда помнить, что в предстоящей войне вопрос технического превосходства будет определяющим моментом.

Наступило такое время, когда рабочему некоторым отраслей, особенно оборонных, нужны инженерные знания. Надо расширить подготовку и переподготовку кадров. Все это даст возможность более широким фронтом внедрять новую технику.

Далее Сталин обратил внимание на необходимость быстрой перестройки радиотехнической промышленности, качественной металлургии. Наряду с этим он указал на важность расширения или заново создания кооперации между предприятиями по обеспечению оборонных заданий.

– Мы особенно, – говорил Сталин, – должны энергично провести меры, чтобы за короткий срок многие отрасли военной промышленности и в первую очередь авиационную промышленность качественно обновить, усиленно развернуть работу по наращиванию выпуска военной техники...

После окончания речи Сталина выступил Н.А. Вознесенский, который сообщил, что Госплан в настоящее время разрабатывает предложения о дополнительном развертывании производства военной техники.

– Вот и хорошо, – сказал Сталин. – Поторопитесь с предложениями. Время не ждет.

После Вознесенского выступил М.И. Калинин. Он сказал, что берлинские переговоры дали нам возможность произвести зондаж намерений Гитлера. – На мой взгляд, –

сказал Калинин, – следует официально поставить перед Берлином вопрос о выводе германских войск из Финляндии, а также выступить официально с протестом перед Берлином против германского проникновения в Румынию и Болгарию.

Сталин поддержал предложение Калинина и поручил Молотову подготовить соответствующие документы.

На этом заседание было закончено. Вскоре после этого заседания был принят ряд развернутых, совместных решений Совета Народных Комиссаров СССР и ЦК ВКП(б) по увеличению производства военной техники: самолетов, танков, артиллерии и др.

* * *

Советское правительство после берлинских переговоров всячески стремилось предотвратить войну или по крайней мере как можно дальше оттянуть столкновение с гитлеровской Германией.

Оно продолжало поддерживать дипломатический контакт с германским правительством и зондировать его намерения.

26 ноября 1940 г., т.е. менее чем через две недели после берлинской встречи, В.М. Молотов пригласил к себе германского посла в Москве Шуленбурга. В этот период времени советско-германские отношения были уже довольно натянутыми, с германской стороны можно было ощутить холодок.

В.М. Молотов сообщил Шуленбургу о целях его встречи с германским послом в Москве, а именно: для продолжения переговоров, начатых в Берлине, германская сторона должна обеспечить выполнение ряда условий, в частности: немецкие войска должны немедленно покинуть Финляндию; в ближайшие месяцы должна быть обеспечена безопасность Советского Союза путем заключения пакта о взаимопомощи между Советским Союзом и Болгарией. Одновременно были высказаны послу факты нарушений советско-германского договора.

Шуленбург уклонялся от неприятных вопросов и стремился создать впечатление, что в данный момент все помыслы Германии нацелены на войну в Индийском и Тихом океанах. Шуленбург обещал немедленно передать советское заявление своему правительству. Но ответа из Берлина не поступило. Уже тогда это молчание казалось многозначительным. Гитлер попросту игнорировал советские требования и вплотную продолжал заниматься подготовкой агрессии против нашей страны. В дневнике генерала Гальдера по поводу телеграммы Шуленбурга значились такие слова: “Россию надо поставить на колени как можно скорее”. Германским правительством были даны послу в Москве Шуленбургу указания при встречах и разговорах с руководителями Наркоминдела и Советского правительства уверять советских руководителей, что Германия ведет усиленную подготовку к нападению на Британские острова. Однако в то время стала поступать все более тревожная информация о проводимом сосредоточении на советской границе вооруженных сил Германии. Хотя гитлеровское руководство делало это в большой тайне, но все же о проводимом сосредоточении сил Советскому правительству было известно.

В первых числах декабря 1940 г. у И.В. Сталина состоялось очень важное заседание, на котором мне довелось присутствовать. На этом заседании Сталин определенно и с твердой уверенностью сказал, что рано или поздно нам придется сразиться с Германией на поле брани.

– Успехи вермахта в захвате Австрии и Чехословакии, в войне против Польши и Франции действуют на фашистов опьяняюще, – сказал Сталин. Ведь потери для фашистов были незначительны, а приобретения – огромны. Великобритания хотя и решительно отказалась сдаваться на милость победителя, не способна не только нанести ощутимый удар врагу, но и потерпела поражение даже в войне на море. Мы, разумеется, хорошо знаем, что подготовку к нападению на нашу страну гитлеровские заговорщики ведут непрерывно. Все агрессивные действия Германии в отношении ряда европейских государств, осуществленные в период с 1938 г., в сущности являются как бы подгото-

вительными ударами для главного удара против Советского Союза. Гитлер усилил свои стремления напасть на нас особенно после того, как осенью 1940 г. потерпело неудачу германское воздушное наступление на Англию, которое должно было послужить прелюдией к вторжению в Великобританию. Гитлеровцы возлагали большие надежды на эту операцию, считали, что воздушная война создаст условия для выигрыша битвы за Англию. Но англичане сумели выдержать воздушные атаки, показав гитлеровцам, что на пути покорения Англии их ждут большие трудности. Правда, Гитлер мог перейти к более активным действиям против Англии прямым путем, путем высадки десанта на побережье Англии. Для этого у Гитлера были большие возможности. Ведь осенью 1940 г. после Дюнкерка Англия почти не имела армии и вряд ли сумела бы организовать отпор гитлеровцам в случае их попытки высадить десант на острове. Но факты говорят о том, что всерьез Гитлер не думал осуществлять эту операцию. Сталин пристально посмотрел на присутствовавших и сказал далее:

– На словах все еще много ведется фашистами шумихи для того, чтобы показать, что Германия преисполнена стремлениями нанести удар по Англии, но все это делается только с тем, чтобы “испугать” Англию, принудить ее пойти на заключение сепаратного мира с Германией. Вместе с тем, совершая воздушные атаки против Англии, Германия усиленно готовится к нападению на Советский Союз. Свести же счеты с Англией, которую Гитлер считает своим врагом, намерен после того, как будет достигнута победа над Советским Союзом. Вот тогда-то Англия, по мнению Гитлера, вынуждена будет безоговорочно капитулировать перед немецким оружием. Сталин сделал небольшую паузу, прошелся по кабинету и, остановившись около Б.М. Шапошникова, спросил:

– Соответствует ли действительности то, что гитлеровское военное руководство на днях уже конкретно решило практические вопросы: куда наносить главные удары, сколько потребуются войск, какова роль армии, авиации, флота?

– Так точно, товарищ Сталин, по авторитетным сведениям соответствует, но только не выяснено точно, куда и какими силами противник намечает наносить ударами.

– Жаль, – произнес Сталин. – Мы знаем, что Гитлер в угаре побед, одержанных на Западе, считает, что наша Красная Армия не в состоянии будет отразить натиск немецких войск и что для подготовки Красной Армии к войне потребуется по меньшей мере четыре года. Разумеется, для нас, чтобы хорошо подготовиться к войне, такой срок действительно был бы за глаза. Но мы должны быть готовы гораздо раньше. Будем стремиться оттянуть срок войны примерно еще года на два. Хотя тогда, когда Берлин посетил Молотов, Гитлер всячески уверял в соблюдении договора. Однако рассчитывать на эти заверения мы не можем.

– Какие соображения на этот счет имеет наш Генштаб? – спросил Сталин, стоявший все еще около Шапошникова.

– Хотя еще Генштаб пока не имеет законченного плана, но, по его соображениям, военный конфликт может ограничиться западными границами СССР. На этот случай Генеральный штаб намечает осуществлять концентрацию основных сил страны именно здесь. Но вместе с тем не исключена возможность нападения Японии на наш Дальний Восток. В связи с этим Генштаб предлагает сосредоточить в этом районе такие силы, которые гарантировали бы нам устойчивое положение.

– Вы лично, Борис Михайлович, являетесь так же сторонником этого направления?

– Да, товарищ Сталин, – ответил Шапошников. По моему глубокому убеждению в качестве главного направления главного удара противник изберет именно здесь на западе, где он, надо полагать, развернет основные силы немецкой армии к северу от устья реки Сан, так как это направление для немецкой армии является наиболее выгодным направлением. Вот почему я считал бы целесообразным развернуть наши главные силы в полосе от побережья Балтийского моря до Полесья, а южную часть нашей страны можно было бы обеспечить меньшим количеством сил и средств.

– Так, – многозначительно произнес Сталин. А сколько времени потребуется Германии для развертывания сил на наших западных границах?

– Примерно 10–15 дней от начала их сосредоточения.

Затем Сталин подошел к висевшей на стене карте и высказал свое мнение о наиболее вероятном направлении главного удара гитлеровских войск. Показывая рукой на карту, Сталин сказал:

– Германия постарается направить в случае войны основные силы не в центре того фронта, который тогда возникнет по линии советско-германской границы, а на юго-западе, чтобы прежде всего захватить у нас наиболее богатые промышленные и сельскохозяйственные районы.

Сталин, отвернувшись от карты, спросил Тимошенко:

– А как нарком считает?

– Я согласен с Вами, товарищ Сталин.

– Тогда поручим Генштабу предусмотреть в плане сосредоточение главной группировки наших войск на юго-западном направлении. В какой срок закончите план?

– Закончим 14–15 декабря, – ответил Тимошенко.

– Да, не позднее, – сказал Сталин, – с тем, чтобы задания военным округам были даны до 1 января 1941 г. и после этого штабы округов должны немедленно приступить к разработке окружных планов.

– А теперь, – продолжал Сталин, – рассмотрим вопрос о дальнейших поставках Китаю военной техники. Мы знаем, что ведущаяся японским империализмом война в Китае вызвала сплочение китайского народа против японских агрессоров. Китайский народ в этой борьбе нуждается в поддержке и помощи Советского Союза. И с нашей стороны поддержка и помощь китайскому народу оказывается. Следует вспомнить, прежде всего, что в середине 30-х годов, когда возникла прямая угроза нападения на Китай, Советское правительство вело переговоры с правительством Китая, пытаясь убедить его осуществить совместные мероприятия для предотвращения войны на Дальнем Востоке. Так, в 1937 г. через нашего полпреда было заявлено о нашей готовности заключить пакт о ненападении и договор о взаимопомощи, а также был предложен заем на нужды обороны в 50 млн. китайских долларов.

Затем Сталин посмотрел на лежавшую перед ним справку и добавил:

– Еще 5 июля 1937 г. Советское правительство предложило Китаю заключить региональный пакт о взаимопомощи между СССР, США, Японии, Англии и Франции. Однако правящие круги Китая не дали положительного ответа на эти предложения. Такая позиция Китая облегчила действия Японии, и она напала на Китай. Но этот агрессивный акт встретил большое противодействие со стороны китайского народа, развернулась национально-освободительная война китайского народа против японских захватчиков. Коммунистическая партия Китая стала настойчиво добиваться от правительства Чан-Кайши сближения Китая с Советским Союзом.

Сталин, держа в руке справку, посмотрел на нее и произнес:

– И даже в Программе Коммунистической партии Китая, опубликованной 23 июля 1937 г., записано следующее: “Нужно немедленно заключить военно-политический союз с СССР, установить с ним тесное единение как с наиболее надежным, наиболее могущественным государством, наиболее способным оказать Китаю помощь в войне против японских захватчиков”. Под воздействием Коммунистической партии, поддержанной широкими народными массами, правительство Чан-Кайши было вынуждено пойти на переговоры, результатом которых явилось подписание 21 августа 1937 г. договора о ненападении между СССР и Китайской республикой. Договор способствовал укреплению отношений между СССР и Китаем. Он был одной из форм помощи Китаю в войне против японских захватчиков. Советское правительство предоставило китайскому правительству кредит в сумме 500 млн. американских долларов.

Особенно важной помощью китайскому народу в его войне против Японии явилась поставка вооружения для Национально-революционной армии Китая. В счет пре-

доставленного кредита Китай закупил в СССР вооружение более чем для 20 дивизий. Серьезной поддержкой в борьбе китайского народа против японских захватчиков явилась и другая важная помощь. Из Китая вывозились больные и раненые бойцы и командиры 3-й китайской армии, руководство которой осуществлялось Компартией Китая. Наряду с этим большая помощь оказывалась Китаю советскими гражданами на добровольных началах.

В Китае находятся советские летчики-добровольцы и военные советники. Немало из них сложили там свои головы в борьбе за свободу и независимость китайского народа. Только летчиков-добровольцев погибло в Китае более 200 человек. Теперь, поскольку на фронтах гоминдановских армий установилось затишье, а китайские реакционеры стали на путь разрыва с Единым антияпонским национальным фронтом, мы вынуждены пересмотреть вопрос о предоставлении помощи Китаю и, видимо, приостановить наши поставки в счет третьего кредита. Вносится предложение поручить Молотову и Тимошенко дополнительно рассмотреть этот вопрос и представить предложения.

– Значит, принимаем предложение, – заключил Сталин и добавил: в войне против Китая у правящих кругов Японии нет шансов на победу, такая война, которую они ведут против китайского народа, неминуемо приведет к истощению людских, сырьевых, продовольственных и финансовых ресурсов Японии и в конечном счете закончится для нее поражением.

На этом заседании был утвержден ряд проектов постановлений ЦК партии и Совнаркома СССР по вопросам производства военной техники и снабжения Красной Армии.

Принятые у И.В. Сталина некоторые проекты решений требовали доработки. Это было сделано в очень короткий срок и теперь, чтобы дать их на подпись Сталину, поскольку они были подготовлены от имени ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР, нужна была прежде всего подпись В.М. Молотова.

Когда я зашел к Молотову у него находился в это время Н.А. Вознесенский. Как я понял Молотов делился с Вознесенским некоторыми подробностями о своей поездке в Берлин.

– А что, по Вашему мнению, представляет собой Гитлер? – спросил Вознесенский.

– Говорят, – посмотрел на меня Молотов, – он обладает завидной способностью мгновенно запоминать содержание документов и донесений, причем почти дословно.

Я улыбнулся и принял это за шутку.

– Надо признать, что он пользуется немалой популярностью среди немцев и особенно среди молодежи. Его популярность вышла далеко за пределы мюнхенских пивных, где он впервые начал знакомить немцев с основами фашистской идеологии. Первое время широкие массы отвергали гитлеровские концепции, и не только проявляли к ним равнодушие, но зло их осмеивали, издевались. Лишь небольшую кучку приверженцев имел Гитлер. Но магнаты капитала увидели в Гитлере ту фигуру, которая им была нужна. Демагога, красноречивого, сочетающего в себе черты самого утонченного садиста и человеконенавистника с внешним обликом праведника и защитника интересов трудящихся.

Нацисты всячески возвеличивают Гитлера. Его имя упоминается только в превосходной степени. Он “полководец – новый Фридрих Великий”, “аскет и пуританин”. Ему приписываются всякие сверхчеловеческие качества. Он поднимается на высшую ступень, отождествляется с богом, гением и т.д. В этом деле огромное рвение проявляет аппарат Геббельса.

Эта агитация проникает в широкие массы, усиленно и настойчиво вбивается в голову немцев. Среди народа пущена легенда о Гитлере – провидце. В определенные периоды этот “святой” уединяется в альпийской вилле и, отвлекаясь от текущих дел, предаётся созерцанию, слушает свой “внутренний голос”. Если до прихода Гитлера к власти эта аскетическая вилла была просто хижинкой, то теперь она преобразована во дворец.

Вблизи этой резиденции Гитлера обосновались Геринг и Борман, построив здесь свои виллы.

– А легенда, созданная Геббельсом и его преспешниками, – сказал далее Молотов, – продолжает жить, проникая все дальше во все поры страны. Ей простые немцы верят. Конечно, все эти домыслы и выдумки о Гитлере вбиваются в голову простых немцев для того, чтобы возвеличить, обожествить Гитлера, представить его сверхчеловеком. А между тем Гитлер ездит сюда просто затем, чтобы отдохнуть и побыть в окружении всем ему обязанных людей, с которыми он себя чувствует лучше и спокойнее. Он стремится уйти от столичной жизни, от постоянно гнетущего его страха перед опасностью, возможностью покушения на его жизнь.

Позвонил правительственный телефон “вертушка”. Молотов снял трубку и лаконично ответил:

– Да, через час буду в наркомате.

Вознесенский уловил, что Молотов торопится и спросил: “Значит, Вячеслав Михайлович, – выделять материалы?”

– Не только выделять, но и проследить за своевременной их отправкой. – Мы должны, – добавил Молотов, – самым аккуратным образом выполнять свои обязательства перед Германией.

– Раз надо, так будет сделано.

– Для нас это пустяк. Хотя Гитлер думает иначе. Он считает, что этими поставками он ослабляет нас. По моему глубокому убеждению, – добавил Молотов, – Гитлер плохо знает об экономическом положении нашей страны. Мы располагаем сведениями, что он поставил задачу перед всеми органами немецкой разведки изучить подробно и детально разведать состояние нашей страны. Вся эта работа поставлена на широкую ногу – вплоть до того, что создан специальный научно-исследовательский институт в Ванзее.

– Следовательно, – сказал Н.А. Вознесенский, – надо держать ухо остро.

– Да, именно.

Вознесенский посмотрел на мою папку и, попрощавшись с Молотовым, вышел из кабинета.

Молотов внимательно прочитал проекты постановлений, спросил о согласовании и, убедившись в правильности их подготовки, поставил свою подпись. Я сразу же передал их Поскребышеву.

Вернувшись к себе, я мысленно повторил слова Вознесенского “держать ухо остро”. Как стало известно потом, действительно, были проявлены большие усилия гитлеровской разведкой в отношении нашей страны. В те дни Гитлер предложил генеральному штабу ускорить окончательную разработку конкретного плана нападения на Советский Союз. 5 декабря 1940 г., после длившегося четыре часа совещания с Браухичем и Гальдером, Гитлер утвердил этот план. Тогда он значился под шифром “План Отто”.

13–14 декабря 1940 г. проблема “восточной операции” была подвергнута широкому обсуждению на специальном заседании генерального штаба Германии. Первоначальный план, значившийся под названием “План Отто”, был переименован и в директиве верховного командования вооруженных сил № 21 от 18 декабря 1940 г. уже назывался как “план Барбаросса”. Еще до утверждения этого плана подготовка вооруженного нападения на СССР велась непрерывно и интенсивно. Все агрессивные действия Германии в отношении ряда европейских государств, осуществленные в период с 1938 года по 1941 г., в сущности, являлись подготовительными ударами для главного удара на Восток. Уже в книге Гитлера “Майн кампф” и других книгах и статьях гитлеровских главарей содержалась прямая угроза против СССР и указание на то, что агрессия германского империализма должна идти на Восток в целях завоевания так называемого “жизненного пространства”.

Солдаты фашистской армии были оболванены гитлеровской агитацией до последней степени. Война с Советским Союзом представлялась им как легкая военная прогулка, рассчитанная как минимум на два – три месяца.

Гитлер собирался напасть на СССР в конце 1940 г. Еще весной 1940 г. был в общих чертах намечен план нападения на СССР. Совещания по этому вопросу проводились все лето, в том числе в июле 1940 г. в Рейхенхалле на специальном военном совещании.

Затем в ноябре – декабре 1940 г. планы нападения на СССР уточнялись и были приняты в окончательном виде. В этот период времени была дана первая директива армии, морскому флоту и военно-воздушному флоту. Эта директива, предназначенная только для высших руководителей германской армии, содержала разработанную программу внезапного нападения на СССР. В ней сказано:

“Немецкие вооруженные силы должны быть готовы к тому, чтобы еще до окончания войны с Англией победить путем быстрой военной операции Советскую Россию. Для этого армия должна будет предоставить все состоящие в ее распоряжении соединения, с тем лишь ограничением, что оккупированные области должны быть защищены от всяких неожиданностей”.

В директиве указывалось, что приказ о наступлении на Советскую Россию будет дан, в случае необходимости, за 8 недель до намеченной операции, и что приготовления, требующие более значительного времени, “должны быть начаты (если они еще не начались) уже сейчас и доведены до конца к 15 мая 1941 года”.

И, наконец, в директиве содержался подробный стратегический план нападения на СССР, в котором была уже предусмотрена конкретная форма участия Румынии и Финляндии в этой агрессии. В частности, в директиве прямо было сказано: “На флангах нашей операции мы можем рассчитывать на активное участие Румынии и Финляндии в войне против Советской России”.

В директиве также указано, что “можно рассчитывать на то, что не позднее, чем начнется операция, шведские железные дороги и шоссе будут предоставлены для продвижения немецкой Северной группы”.

Таким образом, к тому времени гитлеровское правительство уже обеспечило согласие правительств Румынии и Финляндии на участие этих стран с Германией для нападения на СССР. В Финляндию и Румынию, уже втянутые в фашистскую орбиту, сначала посылались специальные миссии, отдельные группы офицеров, затем и войска. Сильный нажим оказывался на Болгарию. Финское правительство согласилось на размещение в Финляндии германских войск, и они высадились на ее южном побережье. Никаких консультаций с Москвой по поводу этих действий не предпринималось, хотя советско-германский договор 1939 г. как раз и предусматривал их по важным вопросам, касающихся интересов обоих государств.

Корабли германского военно-морского флота зачастили с визитом в порты Финляндии. Не считаясь с договором о ненападении, гитлеровцы все более активизировали свою разведку. Самолеты германской авиации то и дело производили “случайные” полеты над нашими военными объектами. Фашисты разрабатывали и осуществляли широкий план дезинформации Советского Союза об истинных намерениях Германии.

Центральный Комитет партии и Советское правительство понимали, что договор с Германией теряет свое значение. Но Советский Союз не подавал никаких поводов к перечеркиванию договора. Нужно было оттянуть войну и выиграть время для подготовки.

Мы в правительственном аппарате чувствовали, что по всем линиям идет мобилизационная подготовка. Молотов засиживался подолгу в своем кабинете – до 2–3 часов ночи. Он был чрезмерно перегружен и едва находил “выкроить” время для просмотра срочных бумаг по Совнаркому. Иногда у него совсем не оставалось времени для этого, так как он спешил к Сталину. В этих случаях приходилось отбирать самые (2–3) срочные бумаги и передавать их Молотову через заведующего секретариатом И.И. Лапшова.

После возвращения советской делегации из Берлина в советско-германских отношениях наступило заметное затишье. Но время от времени германский посол в Москве Шуленбург обращался с запросами о могилах немцев в разных районах СССР и о дру-

гих делах, которые могли интересовать скорее военную разведку вермахта, уточнявшую данные о театре намечавшихся военных действий. Естественно, что на это любопытство германской стороны давались уклончивые ответы. Ничего существенного не поступало и от нашего посольства в Берлине, если говорить о сфере официальных отношений, в которой царил холод.

Между тем из сообщений зарубежной прессы и донесений советских дипломатов было видно, что германское правительство развивает большую активность по вербовке новых союзников и привлечению к пакту трех держав. Одно за другим следовали сообщения о “торжественном” подписании соответствующих секретных документов. Например, о планах нападения Германии на СССР. В руководящих кругах фашистской Германии четко сформировалась не только идея вооруженного нападения на СССР, но и складывался план ее конкретной реализации. Эти агрессивные намерения Гитлера стали выходить за рамки узкого круга особо доверенных лиц фюрера и доходить до практических работников “третьего рейха”.